

Academic Emigration of Belarusians from Western Belarus to Czechoslovakia in the 1920s

Andrei I. Bucha

Minsk Branch of Plekhanov Russian University of Economics. Minsk, Republic of Belarus.
 Email: abucha[at]reu.by ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2638-4909>

Received: 15 August 2025 | Revised: 25 October 2025 | Accepted: 3 November 2025

Abstract

In the 1920s–1930s, Czechoslovakia implemented an unprecedented state program aimed at assisting emigrants from the former Russian Empire. The predominant share of the funding under this program was directed toward providing higher education at Czechoslovak universities for emigrant youth who, in the view of Czechoslovak President T. G. Masaryk, were expected to play a decisive role in the future revival of a democratic, federal, and pro-Czechoslovak post-Bolshevik Russia. Activists of the Belarusian national movement employed the “Russian Aid Action” to pursue a different objective: the training of Belarusian intellectual cadres at Czechoslovak institutions of higher learning, primarily to counter the assimilation policies of the Polish authorities in Western Belarus (under the Riga Peace Treaty of 1921, the territories of Western Belarus were incorporated into Poland). The aim of the study is to trace the process by which Czechoslovakia emerged in the 1920s as the principal Belarusian academic center located outside the ethnic territory of the Belarusian people. The research examines the role of Belarusian national movement representatives in securing scholarships for Belarusians under the Czechoslovak government’s “Russian Aid Action”; describes the selection campaign among Western Belarusian youth for study in Czechoslovak universities; and identifies the principal routes by which Belarusians from Western Belarus reached Czechoslovakia. The findings demonstrate that Czechoslovak universities in the 1920s became an alternative platform for obtaining higher education for graduates of Western Belarusian gymnasiums, whose access to higher education was restricted by the Polish authorities.

Keywords

Czechoslovakia; Western Belarus; Academic Emigration; Belarusian Emigration; N. Vershinin; The Belarusian Community in Prague; The Belarusian School Association

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Академическая эмиграция белорусов из Западной Беларуси в Чехословакию в 1920-е годы

Буча Андрей Иванович

Минский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. Минск, Республика Беларусь.
Email: abucha@reu.by ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2638-4909>

Рукопись получена: 15 августа 2025 | Пересмотрена: 25 октября 2025 | Принята: 3 ноября 2025

Аннотация

В 1920–1930-е гг. Чехословакия проводила беспрецедентную по масштабам государственную программу помощи эмигрантам из бывшей Российской империи. Основная часть средств в рамках данной программы направлялась на подготовку в вузах Чехословакии эмигрантской молодежи, которой в будущем, по мнению президента Чехословакии Т. Г. Масарика, предстояло сыграть ключевую роль в возрождении демократической, федеративной и прочехословацкой постбольшевистской России. Представители белорусского национального движения использовали «Русскую акцию помощи» для решения другой задачи — подготовки в вузах Чехословакии кадров белорусской интеллигенции, необходимых в первую очередь для оказания сопротивления ассимиляционной политике польских властей в Западной Беларуси (по условиям Рижского мирного договора 1921 г. западнобелорусские земли были включены в состав Польши). Цель исследования — показать процесс превращения Чехословакии в крупнейший белорусский академический центр, существовавший за пределами территории этнического проживания белорусского народа в 1920-е гг. В исследовании показана роль представителей белорусского национального движения в получении стипендий для белорусов в рамках «Русской акции помощи» чехословацкого правительства; охарактеризована кампания по отбору претендентов среди западнобелорусской молодежи на обучение в чехословацких вузах; выявлены основные маршруты, по которым белорусы из Западной Беларуси добирались до Чехословакии. Результаты исследования показали, что чехословацкие вузы в 1920-е гг. стали альтернативной площадкой для получения высшего образования выпускниками западнобелорусских гимназий, которым польские власти ограничивали доступ к нему.

Ключевые слова

Чехословакия; Западная Беларусь; академическая эмиграция; белорусская эмиграция; Н. Вершинин; Белорусская громада в Праге; Товарищество белорусской школы

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

По условиям Рижского мирного договора 1921 г., который завершил польско-советскую войну 1919–1920 гг., значительная часть этнических белорусских земель была включена в состав Польского государства. Эти территории, получившие неофициальное название «Западная Беларусь», занимали 25,4 % территории Польши¹. Подавляющее большинство населения Западной Беларуси составляли белорусы² (История ..., 2019, с. 531–532).

В 1920–1930-е гг. на территории Западной Беларуси действовал лишь один вуз — Виленский университет им. С. Батория. Польский историк А. Сребраковский отмечает, что доля белорусов в этом университете в 1921–1930 гг. колебалась от 0,75 % до 2,82 % (2003, с. 110–111). Среди студентов других польских вузов процент белорусов был и того меньше. В межвоенные годы в Польше принимались ограничительные меры в отношении доступа белорусов не только к высшему, но и к среднему образованию. Белорусский историк А. Вабищевич пишет о таких проявлениях дискриминационных процессов в сфере образования в отношении западнобелорусской молодежи, как массовое закрытие белорусских школ и гимназий, а также отсутствие «государственных школьных прав» у белорусских гимназий (до 1928 г.) (2008, с. 25–26, 28, 56). Кроме того, дополнительной преградой на пути к высшему образованию была высокая плата, взимавшаяся за обучение в польских университетах. Рост числа образованных и патриотически настроенных белорусов увеличивал возможности белорусского национального меньшинства противостоять ассимиляционной политике польского правительства (Буча, 2019, с. 93).

С 1921 по 1939 гг. на территории Западной Беларуси полноценно действовали четыре белорусские гимназии: Виленская (1919–1944), Новогрудская (1919–1934), Радошковичская (1922–1928), Клецкая (1924–1931) (Ананька & Горны, 2022, с. 42). Выпускники этих и других западнобелорусских гимназий (вплоть до 1928 г.) после окончания VIII класса не имели возможности сдать экзамен на аттестат зрелости. Право выдачи такого документа имели только государственные польские гимназии. По этой причине многие выпускники западнобелорусских гимназий вынуждены были искать возможности для продолжения обучения за пределами Польши.

Часть молодых ребят из Западной Беларуси отправлялась учиться в БССР. А. Вабищевич приводит информацию о том, что на заседании Бюро помощи Западной Беларуси при ЦК КП(б)Б 17 июля 1924 г. было принято решение о бронировании по линии Наркомпроса до 50 мест в вузах БССР для западно-

1 Западнобелорусские земли входили в состав Полесского, Новогрудского, Белостокского и Виленского воеводств Польши.

2 В белорусской историографии принято говорить о том, что белорусы на аннексированных северо-восточных землях Польши составляли подавляющее большинство, а именно свыше 75 % населения (История ..., 2019, с. 532).

белорусской молодежи. Однако по мере перехода к наступлению в БССР против национал-демократизма с конца 1920-х гг. отношение к западнобелорусской молодежи изменилось и стало подозрительным и недоверчивым (Вабішчэвіч, 2008, с. 43).

Не менее востребованными для продолжения обучения у выпускников белорусских гимназий Польши стали европейские вузы. Первое место по популярности у западнобелорусских абитуриентов с большим отрывом от остальных занимали университеты межвоенной Чехословацкой Республики (ЧСР). В 1920-е гг., на которые пришелся наиболее продуктивный этап «Русской акции помощи»¹, чехословацкие университеты стали одной из альтернативных площадок для получения высшего образования западнобелорусской молодежью (Буча, 2019, с. 93–94). Так, в 1922/23 учебном году в Виленском университете им. С. Батория и Карловом университете в Праге обучалось соответственно 48 и 50 белорусских студентов, в 1923/24 учебном году — 26 и 100, в 1924/25 учебном году — 30 и 110, в 1925/26 учебном году — 26 и 100 (Буча, 2020, с. 305). Кроме того, следует учитывать, что много белорусов (не меньше, чем в пражском Карловом университете) обучалось в Чешском высшем техническом училище. Белорусы также поступали в украинские вузы ЧСР. Таким образом, можно с уверенностью говорить о большой значимости чехословацкого академического центра для западнобелорусской молодежи.

Историография

Проблема академической эмиграции белорусов из Западной Беларуси в Чехословакию в 1920-е гг. до сих пор не становилась темой отдельного исследования. Однако некоторые аспекты рассматриваемых в данной статье исторических сюжетов в разной степени отражены в ряде работ по истории белорусской эмиграции межвоенного периода. В первую очередь это касается исследований, посвященных белорусскому присутствию в Чехословакии в 1918–1939 гг.

Одним из первых об истории белорусской эмиграции в ЧСР написал белорусский литературовед В. Колесник (1977). Его монография фактически осталась единственным исследованием, посвященным чехословацким белорусам, вышедшая в свет в советские годы.

С начала 1990-х гг. в связи с «архивной революцией» (открытием значительного количества ранее засекреченных фондов архивов стран бывшего социалистического лагеря) и снятием табу на исследование эмиграционной тематики наблюдается устойчивый рост академического интереса к теме белорусского присутствия в межвоенной Чехословакии. Среди белорусских иссле-

1 «Русская акция помощи» — государственная программа (1921–1938 гг.), направленная на поддержку беженцев из бывшей Российской империи на территории ЧСР. Значительная часть средств, заложенных в бюджет «Русской акции помощи», предназначалась для обучения молодых людей из числа эмигрантов в университетах ЧСР (как собственно чехословацких, так и созданных русской и украинской эмигрантскими группами).

дователей, посвятивших работы данной теме, отметим В. Ляховского, М. Чмарову, А. Бучу, Н. Труса, С. Кныревича, О. Коваль, А. Сурмач, М. Козловского, Л. Мирочицкого. В монографии В. Ляховского (2012), посвященной деятельности белорусских молодежных организаций во второй половине XIX в. – 1939 г., предпринята попытка приблизиться к концептуальному пониманию феномена белорусской диаспоры в межвоенной ЧСР.

В 2000-е гг. к изучению проблем белорусской диаспоры в межвоенной Чехословакии подключились исследователи из Польши (А. Борщевский, Ю. Грибовский), Украины (О. Зубко, О. Ямкова), Чехии (Д. Коленовска, М. Плавец), Словакии (Л. Гоптова). Информативностью и комплексностью отличается статья украинского историка О. Ямковой (2002) о белорусских студентах в украинских вузах ЧСР. Историк из Польши Ю. Грибовский (2023), используя в том числе материалы латвийских архивов, подробно и содержательно написал о белорусах-гражданах Латвии, получавших стипендии в рамках «Русской акции помощи». Отдельно хотелось бы выделить монографию чешских историков Д. Коленовской и М. Плавеца (Kolenovská & Plavec, 2017), в которой затронуты вопросы, связанные с получением стипендий для белорусов, организацией переезда абитуриентов в ЧСР и обустройством прибывших в ЧСР белорусов. В исследовании А. Бучи (2019) рассмотрен количественный, социальный и конфессиональный состав белорусского студенчества в межвоенной ЧСР.

Источники

При подготовке данного исследования мы использовали архивные материалы из Национального архива Чешской Республики (фонд 746 (Комитет по обеспечению образования русских и украинских студентов в ЧСР), фонд 908 (Министерство иностранных дел – Русская акция помощи)), Архива Министерства иностранных дел Чешской Республики (фонд II отдела МИД ЧСР), Национального архива Республики Беларусь (фонд 325 (Рада Народных Министров БНР), фонд 459 (Личный фонд В. М. Русака), фонд 883 (Товарищество белорусской школы)).

Проведением «Русской акции помощи» занимался II отдел МИД ЧСР. Материалы этого подразделения хранятся в фонде 908 (Министерство иностранных дел – Русская акция помощи) Национального архива Чешской Республики и в фонде II отдела МИД ЧСР Архива Министерства иностранных дел Чешской Республики. Важными для нашего исследования стали выявленные в этих фондах письма, меморандумы, ходатайства, обращения Белорусской громады в Праге и Белорусской рады в Праге, направленные в МИД ЧСР; ответы МИД ЧСР на запросы белорусов; письма консульств ЧСР в Каунасе и Риге в адрес МИД ЧСР. Документы из этих фондов позволили понять, как Белорусская громада в Праге и Белорусская рада в Праге выстраивали

коммуникацию с МИД ЧСР относительно получения стипендий; как были организованы переезд и обустройство белорусов в ЧСР.

В фонде 746 (Комитет по обеспечению образования русских и украинских студентов в ЧСР) Национального архива Чешской Республики отложились обращения, заявления, ходатайства белорусских студентов и организаций, направленные в Чешско-украинский комитет по оказанию помощи украинским и белорусским студентам (ЧУК), личные дела белорусских студентов, получавших стипендии, списки стипендиатов чехословацкого правительства. Эти документы стали основным источником для составления «коллективного портрета» белорусских студентов, учившихся в середине 1920-х гг. в ЧСР.

Документы фонда 325 (Рада Народных Министров Белорусской Народной Республики) Национального архива Республики Беларусь (переписка Н. Вершинина с правительством В. Ластовского и дипломатическим представительством БНР в Литве; переписка дипломатического представительства БНР в Литве с представительствами ЧСР и Германии в Литве) касаются распределения стипендиальной квоты между разными центрами белорусского движения; отбора претендентов на стипендии, проводимого белорусскими организациями в Каунасе; согласования списков стипендиатов; визовой поддержки для направлявшихся через Литву в ЧСР белорусов.

В фонде 883 (Товарищество белорусской школы (ТБШ¹)) Национального архива Республики Беларусь отложилась обширная переписка ТБШ в Вильно с Белорусской громадой в Праге. Анализ данного корпуса документов дает представление о распределении стипендий между белорусскими общественно-политическими организациями и о переезде белорусской молодежи в ЧСР. Заявления и другие сопроводительные документы претендентов из Западной Беларуси на включение в списки стипендиатов, выявленные в этом фонде, помогли понять, как ТБШ в Вильно отбирало претендентов на стипендии.

Релевантной для нашего исследования является монография Д. Коленовской и М. Плавеца, в которой опубликованы 89 документов из чешских архивов (Kolenovská & Plavec, 2017, s. 110–235). Наибольший интерес для нас представляют те документы, в которых раскрываются взаимоотношения Белорусской громады в Праге и Белорусской рады в Праге с МИД ЧСР в первой половине 1920-х гг. относительно организации обучения белорусов в ЧСР.

Мы также активно пользовались сборником документов и материалов по истории белорусской эмиграции в Чехословацкой Республике (1918–1939), опубликованным А. Бучей (2020). В этом сборнике представлены не только документы из белорусских, чешских, литовских и российских архивов, но и материалы периодической печати межвоенного периода и воспоминания представителей белорусской диаспоры.

1 Товарищество белорусской школы — культурно-просветительская организация в Западной Беларуси в 1921–1936 гг. Проводила широкую деятельность по открытию белорусских школ, повышала общеобразовательный и культурный уровень белорусов, выступала против полонизации.

Основное содержание

Изучение вопроса академической эмиграции белорусов из Западной Беларуси в Чехословакию в 1920-е гг. предполагает выяснение того, каким образом белорусам предоставлялись стипендии на обучение в вузах ЧСР в рамках «Русской акции помощи»; как осуществлялся отбор желающих обучаться в чехословацких университетах; кто занимался организацией переезда западнобелорусских абитуриентов в ЧСР; каким образом пражские белорусские эмигрантские организации оказывали помощь юношам и девушкам из Западной Беларуси, прибывшим в ЧСР.

Деятельность Н. Вершинина и Белорусской громады в Праге по получению стипендий для белорусов на обучение в Чехословакии

Главной задачей «Русской акции помощи» чехословацкого правительства являлось создание системы образования для эмигрантов из бывшей Российской империи. Для помощи студенчеству были созданы две организации — Комитет по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой Республике и ЧУК¹.

Отметим, что один из инициаторов проведения «Русской акции помощи» — первый чехословацкий президент Т. Г. Масарик — не придавал белорусской государственности большого значения и, будучи сторонником концепции больших славянских народов, считал белорусов составной частью русского народа (равно как и, например, украинцев) (Калета, 2018, с. 22). Руководители ЧСР, начиная в 1921 г. беспрецедентную по масштабам программу помощи эмигрантам из бывшей Российской империи, рассчитывали прежде всего на то, что получившие в ЧСР образование и в целом помощь эмигранты сыграют ключевую роль в возрождении сильной постбольшевистской федеративной России (Ляхоўскі, 2012, с. 378). Стоит согласиться с мнением Д. Коленовской, которая пишет, что предоставление первых чехословацких стипендий белорусским студентам происходило исключительно в частном порядке (2018, s. 76). Случилось это летом 1921 г.

По нашему мнению, главная заслуга в том, что в рамках «Русской акции помощи» белорусам выделили стипендии, принадлежит белорусскому эмигранту Н. Вершинину. Он во время революции 1905–1907 гг. выехал из Российской империи в Европу и в 1908 г. обосновался в Праге. Еще до начала Первой мировой войны он познакомился с рядом чешских интеллектуалов, в том числе с проф. Т. Г. Масариком. С 1920 г. Н. Вершинин стал выполнять функции представителя Белорусской Народной Республики

1 Отметим, что многонациональная масса эмигрантов из бывшей Российской империи была разделена по национальному признаку на две группы — русскую (в эту группу также входили татары, калмыки, кавказцы, некоторые казаки, часть белорусов) и украинскую (к этой группе были присоединены белорусы, часть казаков, некоторые чехи и евреи из Украины). Соответственно для русской и украинской групп создавались параллельные организации, занимавшиеся опекой беженцев. В области общей опеки беженцами главная роль принадлежала Земгору и Украинскому общественному комитету.

(БНР) в ЧСР, а в 1922 г. — возглавил Белорусскую громаду в Праге, земляческую организацию, объединившую белорусов, проживавших в молодой Чехословацкой Республике. Благодаря Н. Вершинину 29 апреля 1919 г. председатель правительства БНР А. Луцкевич получил аудиенцию у президента ЧСР Т. Г. Масарика. В сентябре 1921 г. Н. Вершинин организовал в Праге авторитетный форум, собравший представителей белорусских организаций и партий из Западной Беларуси, Германии, Латвии и Литвы, — Первую Всебелорусскую конференцию.

Историк Т. Блашчак полагает, что имел место некий договор с властями Чехословакии по вопросу обучения белорусов, и расценивает это как одно из важнейших и долговременных достижений БНР каунасского периода (Блашчак, 2022, с. 228). Поскольку БНР не была признана чехословацкими властями *de jure*, письменный договор между эмиграционным правительством БНР и ЧСР не заключался.

Заключение каких-либо письменных договоренностей с каунасским эмиграционным правительством БНР привело бы к ухудшению отношений с Польшей, которые и так находились в кризисном состоянии из-за споров вокруг Тешинской Силезии. По этой же причине Н. Вершинина в МИД ЧСР воспринимали как неофициального представителя правительства БНР в ЧСР. Показательно, что, дав согласие на проведение в Праге в сентябре 1921 г. Первой Всебелорусской конференции, чехи на эту конференцию отправили не своего официального представителя, а сотрудника Пражского полицейского управления. И, наконец, в ноябре 1923 г. МИД ЧСР дал согласие на переезд в Прагу из Каунаса руководителей БНР исключительно как частных лиц, а не представителей официальной политической структуры.

Добавим также, что имеются косвенные сведения о том, что большую помощь в получении первых «белорусских» стипендий оказал уроженец г. Минска, видный представитель русской эмиграции в ЧСР Е. Ляцкий¹. Белорусский эсер Т. Гриб в письме к одному из лидеров виленских белорусов А. Луцкевичу в июле 1923 г. писал:

«Фактически только благодаря его (Е. Ляцкого – А.Б.) стараниям мы в прошлом году получили 20 стипендий. В этом году думаем получить около 35 стипендий. Если и получим, то опять-таки благодаря проф. Ляцкому...» (Архівы ..., 1998, с. 1419).

На 1921/22 академический год МИД ЧСР зарезервировал за белорусами 20 стипендий (НАРБ. Ф. 883. Оп. 1. Д. 18. Л. 25). Эти стипендии белорусские студенты должны были получать через ЧУК. Логично, что, будучи представителем БНР в ЧСР, Н. Вершинин в первую очередь проинформировал об этом своих руководителей, а именно каунасский центр БНР (правительство В. Ластовского). Нужно полагать, что вопрос заполнения квоты (20 стипендий)

1 Евгений Ляцкий — этнограф, фольклорист, историк литературы. С 1922 г. жил в ЧСР. Был профессором Карлова университета в Праге. Руководил издательством «Пламя» (1921–1926 гг.). Принимал активное участие в работе разных эмигрантских общественных и научных учреждений.

на 1921–1922 академический год и общие контуры организации кампании по отбору претендентов на стипендии обсуждались Н. Вершининым с авторитетными представителями белорусского движения из Западной Беларуси (Б. Тарашкевич¹), каунасской Литвы (В. Ластовский, П. Кречевский, В. Захарко, А. Цвикевич²) и Латвии (К. Езовитов) в личной беседе в Праге в сентябре 1921 г. во время работы Первой Всебелорусской конференции.

По состоянию на 14 мая 1922 г. в ЧСР в рамках «Русской акции помощи» стипендии получали 25 белорусов (11 человек учились в Карловом университете, 8 — в Пражской политехнике, 6 — на украинских подготовительных (матуральных) курсах в Юзефове³) (НАРБ. Ф. 883. Оп. 1. Д. 18. Л. 26). Таким образом, первоначальный лимит в 20 стипендий был даже превышен.

За предоставление чехословацким правительством возможности обучения в ЧСР белорусам министр иностранных дел БНР А. Цвикевич 7 июня 1922 г. направил благодарность дипломатическому представителю ЧСР в Литве. В этом письме подчеркивалось:

«Знакомство их (белорусских студентов – А.Б.) с чешским языком, чешской литературой, наукой, техникой и национальным возрождением великой славянской страны – способствует расширению их мировоззрения, наводит на сравнение с тяжелым состоянием нашей Белоруссии и будит энергию всеми силами способствовать ее всестороннему возрождению» (AMZV ČR. II Sekce politická. K. 241. Č. 1747).

В соответствии с уставом, в ЧУК интересы белорусского землячества представляли всего 2 человека, тогда как украинского — 16 человек (Ямкова, 2002, с. 112). Это означало, что белорусы практически не влияли на принятие решений в ЧУК. Поэтому Белорусская громада в Праге пыталась получить согласие у МИД ЧСР на предоставление стипендий белорусам без посредничества ЧУК. В связи с этим 31 марта 1922 г. за подписью Н. Вершинина был отправлен запрос на имя министра иностранных дел ЧСР с просьбой о включении «белорусских» стипендий в бюджет Белорусской громады в Праге. МИД ЧСР не поддержал это предложение (НА ČR. F. 908. K. 306. Č. 51194).

В связи с большим количеством потенциальных студентов среди украинцев процедура получения стипендий для белорусов через ЧУК была довольно сложной. Поэтому Белорусская громада в Праге обращалась непосредственно в МИД ЧСР, надеясь, что прямой запрос увеличит шансы на успех. Так, 14 июля 1922 г. Белорусская громада в Праге отправила в МИД ЧСР меморандум, в котором

«почтительно просила об увеличении этих стипендий (имеется в виду имеющих 20 стипендий – А.Б.) на 1922/23 учебный год до такого уровня, который чехословацкое правительство посчитает возможным: по крайней мере 30 стипендий, 50 в целом, что обеспечит получение высшего образования хотя

1 Б. Тарашкевич был одним из создателей и руководителей Товарищества белорусской школы.

2 Они представляли каунасский центр БНР.

3 Подготовительные (матуральные) курсы длились 10 месяцев. Успешно окончившие такие курсы студенты получали аттестат зрелости, наличие которого давало возможность поступить в университет.

бы части белорусских граждан, в которых Беларусь испытывает большую потребность» (Kolenovská & Plavec, 2017, p. 153).

В ответе МИД ЧСР сообщалось, что просьба белорусов принята к сведению и при наличии свободных мест в 1922/1923 академическом году стипендии будут предоставлены. Кроме того, белорусам рекомендовали подготовить аналогичное обращение в ЧУК на имя А. Гайна, представителя МИД ЧСР при этой организации (AMZV ČR. II Sekce politická. K. 241. Č. 106650). В результате на 1922/1923 академический год МИД ЧСР выделил для белорусов 37 мест (НАРБ. Ф. 883. Оп. 1. Д. 18. Л. 53).

По состоянию на 9 декабря 1922 г. стипендиями по линии ЧУК пользовались уже 45 белорусов. Из других источников финансовую помощь получали еще 9 белорусских студентов, учившихся в Украинской сельскохозяйственной академии в Подебрадах (LCVA. F. 366. Ар. 1. В. 19. L. 17 atv.).

12 июня 1923 г. Белорусская громада в Праге в очередной раз обратилась с меморандумом в МИД ЧСР с просьбой о предоставлении 35 стипендий на 1923/1924 академический год (НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 200. Л. 40). 8 октября 1923 г. МИД ЧСР выделил 16 стипендий тем белорусам, которые уже находились в Праге (Kolenovská & Plavec, 2017, s. 166). 14 ноября 1923 г. Белорусская громада в Праге обратилась в МИД ЧСР с просьбой о предоставлении еще 26 стипендий для белорусов, которые осенью 1923 г. в большинстве своем нелегальным путем приехали из Польши в ЧСР (Kolenovská & Plavec, 2017, s. 169).

Нам не удалось найти информацию о том, сколько стипендий было предоставлено в 1924/1925 академическом году. Однако известно, что в этом учебном году стипендии по линии ЧУК получали 86 белорусов.

13 июня 1925 г. П. Кречевский приводил следующую информацию о численности белорусских студентов в ЧСР:

«На 1-е мая 1925 г. в ЧСР было 146 студентов на белорусских стипендиях. Из них 10 человек перешло на русские стипендии – это в большинстве случаев сменовеховцы и коммунисты и 8 чел. выбыло совершенно. На сегодняшний день остается всего 128 чел. Из них в Праге учится 113, в Подебрадах 6, в Брно 2, в Братиславе 3 и в Юзефове 4» (ГАРФ. Ф. Р-5875. Оп. 1. Д. 19. Л. 37)

Из статистики, предоставленной П. Кречевским, видно, что летом—осенью 1924 г. в ЧСР также приехала большая группа абитуриентов. Однако его цифры противоречат статистике ЧУК за 1924/1925 академический год. Вероятнее всего, он, говоря о «146 студентах на белорусских стипендиях», имел в виду всех белорусов, освобожденных от платы за обучение и получавших материальную помощь через разные организации, которые учились весной 1925 г. в ЧСР.

В сентябре 1925 г. в журнале «Студенческая мысль» («Студэнская думка») сообщалось:

«Отсутствие стипендий в Пражском Университете закрыло в этом году двери для наших абитуриентов в Чешский Университет. Часть из них поступила в Виленский университет, хоть вольнослушателями, оставшаяся большая часть

ищет возможность обучения в других заграничных университетах» (Лёс ..., 1925, с. 32).

В апреле 1925 г. Прага и Варшава подписали ряд двусторонних соглашений. В частности, была заключена конвенция, которая регулировала положение польского меньшинства в Тешинской Силезии (Černý, 1925, s. 93). Как следствие, осенью 1925 г., т. е. на 1925/1926 академический год, в связи с нормализацией чехословацко-польских отношений массовое предоставление стипендий белорусам было прекращено (Буча, 2020, с. 227). Тем не менее белорусы из Западной Беларуси продолжали прибывать в Прагу и впредь. Так, 12 октября 1925 г. Белорусская рада в Праге, исполняя запрос ТБШ, обратилась в МИД ЧСР с просьбой о предоставлении 12 стипендий для белорусов, но МИД ЧСР, сославшись на дефицит средств, ответил отказом (AMZV ČR. II Sekce politická. K. 390. Č. 161553).

Нам известно, что в списке получавших стипендии по линии ЧУК в 1926/1927 академическом году числился 71 белорус. Сравнение этого списка со списком 1924/1925 академического года показало, что в 1926/1927 академическом году продолжил получать стипендии 63 человека из списка 1924/1925 учебного года. Всего за это время 23 студента были исключены (по разным причинам) из числа стипендиатов. На стипендии, выдававшиеся через ЧУК, были приняты только 8 человек.

Анализируя вышеприведенную статистику, можно увидеть, что больше всего белорусских абитуриентов приехало в ЧСР в период с лета 1922 г. до осени 1923 г. Начиная с 1924/1925 академического года приток белорусов в Прагу существенно снизился. Это было вызвано пересмотром концепции «Русской акции помощи» в сторону сокращения приема студентов. Нормализация чехословацко-польских отношений весной 1925 г. стала вторым фактором, повлиявшим пусть не на полную приостановку квотирования, но на его резкое сокращение.

Таким образом, в первой половине 1920-х гг. неурегулированность территориального вопроса между Прагой и Варшавой (конфликт в Тешинской Силезии) являлась благоприятным фактором для белорусов — соискателей стипендий чехословацкого правительства. Чехословацкие власти, предоставляя белорусам из Западной Беларуси возможность бесплатного обучения в вузах ЧСР, указывали тем самым на притеснение и ущемление прав национальных меньшинств в тогдашней Польше.

Начиная с 1925 г. после нормализации чехословацко-польских отношений ответственные за проведение «Русской акции помощи» чиновники МИД ЧСР вынуждены были реагировать на запросы, поступающие от коллег из Варшавы, в которых ставился вопрос о целесообразности дальнейшей материальной поддержки ряда белорусов-стипендиатов по причине достаточного уровня материального обеспечения их родителей, способных оплачивать обучение своих детей в чехословацких вузах. На такого рода запросы руководители ЧУК отреагировали переводом тех студентов, в отношении которых были получены

данные, либо на неполную стипендию, либо полным прекращением выплат. Отметим, что лишенные всей или части помощи студенты имели возможность обжаловать решение руководства ЧУК и добиться спустя какое-то время возобновления выплаты стандартной суммы стипендии.

Так, в начале декабря 1925 г. 11 белорусским студентам, находившимся на иждивении ЧУК, была вдвое сокращена стипендия. Польская сторона предоставила МИД ЧСР информацию о материальном достатке родителей этих белорусских стипендиатов. Вступаясь за этих студентов, Белорусская рада в Праге 15 декабря 1925 г. направила в МИД ЧСР письмо, в котором просила 5 (В. Гришкевичу, Е. Дылису, Ю. Саку, Я. Станкевичу, Н. Монастырскому) из 11 студентов вернуть полную стипендию¹, т. к. «они не получают из дома никакой помощи и поэтому не могут закончить начатое обучение». В ответе министерства было сказано, что положительное решение вопроса возможно после предоставления лично студентами заявлений, в которых будут подтверждены незажиточность их родителей и успехи в обучении самих студентов (AMZV ČR. II Sekce politická. K. 390. Č. 172.296/1925). Сокращение стипендии попавший в этот список студент Я. Станкевич объяснял следующим:

«Все это дело с уменьшением помощи на половину, как выяснилось, имеет корни в польском министерстве иностранных дел; бедность или зажиточность здесь одна у чехов была зацепкой, чтобы без причины не лишать выплаты стипендии» (LCVA. F. 368. Ap. 1. B. 35. L. 3).

Вопрос бесплатного обучения в вузах ЧСР латвийских белорусов не оставил равнодушным и латвийский МИД. В мае 1925 г. в адрес МИД ЧСР от консула ЧСР в Риге было отправлено письмо, в котором сообщалось, что чехословацкая диаспора в Латвии выступает категорически против финансовой поддержки белорусов — граждан Латвии, обучавшихся в ЧСР. Граждане ЧСР, учившиеся в вузах Латвии, платили за учебу в 5 раз больше, чем латыши, а находившиеся на попечении ЧУК латвийские белорусы были не студентами-эмигрантами, а латвийскими гражданами. Именно эти два обстоятельства вызвали столь резкое недовольство чехословацкой диаспоры в Латвии. В МИД ЧСР, изучив вопрос материального положения родителей Л. Модзалевского, С. Василевского и Ф. Васильева, решили оставить этих белорусов — граждан Латвии на попечении ЧУК (NA ČR. F. 908. K. 52. Č. 149727).

Отбор претендентов на обучение в Чехословакии

Кампания по направлению претендентов на «белорусские» стипендии была организована следующим образом. Со стороны пражского белорусского землячества коммуникацией с МИД ЧСР² и украинскими беженскими организациями (прежде всего ЧУК и Украинским общественным комитетом)

1 Про остальных 6 студентов Белорусская рада в Праге на момент отправки данного письма еще не собрала необходимую информацию.

2 Проведение «Русской акции помощи» было поручено «Русскому отделу» МИД ЧСР, во главе которого поставили В. Гирсу (1875–1954).

по вопросу обучения белорусов в ЧСР занимался преимущественно Н. Вершинин. Он сообщал белорусам в Вильно, Каунас и Ригу о полученных стипендиях. В Западной Беларуси за отбор претендентов на стипендии отвечало ТБШ в Вильно, в Литве — эмиграционное правительство БНР в Каунасе, в Латвии — Белорусский отдел Министерства образования Латвии (Ляхоўскі, 2012, с. 381; Грыбоўскі, 2023, с. 130–135).

До весны 1922 г. фактически только от Н. Вершинина зависел вопрос утверждения списков кандидатов на получение стипендий. После количественного увеличения белорусской колонии в ЧСР рассмотрение полученных из Вильно, Каунаса и Риги списков проходило на общих собраниях Белорусской громады в Праге или на заседаниях ее президиума. Отметим, что Н. Вершинин в вопросе распределения стипендий руководствовался решениями и рекомендациями, полученными от каунасского центра БНР.

Таким образом, Н. Вершинин и Белорусская громада в Праге были центральным каналом, через который осуществлялась вся коммуникация с чехословацкими органами и беженскими организациями, ответственными за прием и обучение эмигрантов из бывшей Российской империи в ЧСР.

Интересно, что переписка пражского белорусского актива с центром белорусской политической эмиграции в Каунасе поддерживалась через литовского посла в Праге. Также письма из Каунаса Н. Вершинину передавали лично ехавшие оттуда в Прагу белорусские студенты.

Осенью 1921 г., когда необходимо было оперативно заполнить первые 20 «белорусских» стипендий, в Прагу отправили тех, кто готов был быстро решиться на переезд и в той или иной степени был связан с белорусским движением и имел законченное среднее образование. Первых стипендиатов отбирали каунасский центр БНР (правительство БНР в Литве), виленские белорусы (ТБШ в Вильно), латвийские белорусы (группа во главе с К. Езовитовым).

Среди 25 белорусов, учившихся в ЧСР в мае 1922 г., минимум 15 являлись уроженцами Западной Беларуси, 3 — Слуцкого уезда Минской губернии, 5 человек приехали из Латвии. Процесс заполнения первоначальной квоты (осень 1921 г. — весна 1922 г.) показал, что преимущество при рекрутации в число стипендиатов было отдано представителям белорусского национального движения, не имевшим высшего образования, преимущественно уроженцам Западной Беларуси. 6 из 25 первых белорусских стипендиатов окончили Виленскую белорусскую гимназию. Наиболее сильными в национальном плане и, как оказалось, в плане учебы стали те, кого отправили в Прагу виленские белорусские деятели (Я. Гениюш, И. Дворчанин, Ил. Дворчанин, М. Кавцевич, А. Климович, Я. Станкевич).

Именно с весны 1922 г. начался организованный отбор претендентов на стипендии по четко определенным критериям (наличие среднего образования, успехи в обучении, состояние национального самосознания, материальное положение) (Грыбоўскі, 2023, с. 133). Отборочная кампания второй поло-

вины 1921 – начала 1922 гг. показала, что основным адресатом помощи чехословацкого правительства должна стать западнобелорусская молодежь.

Первая полноценная кампания по отбору претендентов на стипендии была проведена при заполнении мест на 1922/1923 академический год (37 стипендий). В июле 1922 г. пражские белорусы сообщили виленским, что предоставленные на 1922/23 учебный год стипендии будут распределены между белорусскими организациями Вильно (20 мест), Каунаса (7 мест) и Риги (10 мест) (НАРБ. Ф. 883. Оп. 1. Д. 18. Л. 53).

Большинство студентов в Чехословакию направляло виленское ТБШ. Получив сведения о предоставлении белорусам стипендий, ТБШ начинало кампанию по формированию списков потенциальных студентов. С целью информирования молодежи о возможности бесплатного обучения за границей в виленских белорусскоязычных периодических изданиях размещались соответствующие объявления.

При включении в список стипендиатов руководители ТБШ обращали внимание на социальное происхождение и материальное положение претендента, его гражданскую позицию, наличие рекомендаций от белорусских деятелей, учебное заведение, которое окончил кандидат на получение стипендии, и уровень его знаний (НАРБ. Ф. 883. Оп. 1. Д. 18. Л. 61, 61 об., 66 об.).

При отборе предпочтение отдавали юношам и девушкам, которые из-за материального положения своих родителей не имели возможности продолжить обучение в польских университетах (НАРБ. Ф. 883. Оп. 1. Д. 21. Л. 71, 87, 92, 93). Очень важным, а порой и определяющим фактором при отборе претендента было его участие в общественно-политической жизни. В начале 1923 г. Н. Вершинин специально оставил несколько стипендий «для агитаторов при выборах в Варшавский Сейм и Сенат (Сурвилы, Скабея и Серебренникова)» (НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 200. Л. 67 об.). Дополнительным преимуществом для включения в число стипендиатов было наличие рекомендаций от белорусских общественно-политических деятелей (НАРБ. Ф. 883. Оп. 1. Д. 21. Л. 82-83 об., 100, 110). И наоборот, отсутствие рекомендательного письма часто становилось причиной отказа в получении стипендии.

Претенденты на включение в число стипендиатов писали в своих письмах, адресованных ТБШ, следующее:

«каждый из нас есть сыном бедных родителей, которые без сторонней помощи не смогут отправить нас за границу за получением высшего образования», «я, желающий получить высшее образование, чтобы работать на родной ниве, по причине плохого положения не имею возможности получить это образование за свои средства» (НАРБ. Ф. 883. Оп. 1. Д. 21. Л. 90; Д. 22. Л. 70-71).

Как отмечалось выше, наличие рекомендации являлось важным фактором для ТБШ при включении кандидата в число стипендиатов. Так, например, кандидат В. Лавский предоставил рекомендацию от директора Новогрудской белорусской гимназии А. Данилевича следующего содержания:

«Знаю Лавского как очень способного ученика и искреннего белоруса. В 1920–21 учебном году в Новогрудской гимназии поставили 4 белорусских спектакля, которые очень хорошо прошли, благодаря таланту Лавского и других учеников гимназии. Было бы очень жаль, если бы белорусы не использовали в своих целях Лавского» (НАРБ. Ф. 883. Оп. 1. Д. 22. Л. 10).

Приведем некоторые примеры причин отказа во включении в список стипендиатов со стороны ТБШ. Вот такие резолюции были поставлены на заявлениях претендентов: «не принимал участия в национальной жизни», «выехал сам без предупреждения, заявление написано на русском языке, отказать», «из-за отсутствия рекомендаций в список не включен», «из-за нехватки вакансий отказано в 1923 г.», «не соответствуют документы» (НАРБ. Ф. 883. Оп. 1. Д. 18, 21).

После окончания отборочной кампании ТБШ подготавливало общий список, в котором были отмечены возраст, сведения об образовательном уровне и месте проживания претендентов на стипендии. После этого его отправляли Белорусской громаде в Праге. В случае соответствия кандидатов всем требованиям виленское ТБШ получало от Н. Вершинина положительный ответ, что можно было расценивать как предварительное включение в число стипендиатов чехословацкого правительства (НАРБ. Ф. 883. Оп. 1. Д. 18. Л. 54).

В отборе претендентов на стипендии, но в значительно меньших масштабах, чем в Вильно, принимали участие также каунасские белорусы. В Ковно эта работа находилась в компетенции структур БНР. По каунасской квоте в Прагу выехали некоторые сотрудники структур БНР (например, Ю. Гладкий-Ластовский, И. Ермаченко), видные деятели партии белорусских эсеров (П. Бодунова, Т. Гриб, И. Мамонько, Н. Чернецкий). Безусловно, при распределении мест не обходилось без фактора связей и личных знакомств. Так, например, на стипендии были устроены родственники сотрудников структур БНР Я. Вукделич, В. Ермаченко.

Белорусская громада в Праге плотнее всего по вопросам отбора претендентов на стипендии и организации их переезда из Каунаса и Вильно (об этом будет сказано дальше) сотрудничала не с эмиграционным правительством В. Ластовского, а с дипломатическим представительством БНР в Литве. Так, в письме от 22 апреля 1924 г. Представительство просило пражских белорусов:

«При этом пересылаем Вам на рассмотрение просьбу гражданина-студента Малыгина. Со своей стороны поддерживаем просьбу Малыгина, известного Представительству, как работавшего на национальной почве в Вильно» (НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 200. Л. 10).

Третьим центром, откуда отправляли белорусов на учебу в Прагу, была Латвия¹. В 1920-е гг. по причине слабого владения латышским языком и довольно высокой платы за обучение количество белорусов в латвийских вузах было минимальным. Поэтому информация о предоставлении стипендий для белорусов в рамках проведения «Русской акции помощи» вызвала у латвийских белорусов большой интерес. Во время посещения Праги в сентябре 1921 г. один из лидеров латвийских белорусов К. Езовитов получил согласие у белорусских пражан на предоставление стипендий для нескольких латвийских белорусов (Грыбоўскі, 2023, с. 130).

Среди 25 белорусов, которые в мае 1922 г. учились в вузах ЧСР, пять были родом из Латвии (К. Гладкая, Г. Соколов, П. Цветков, А. Соловьев, Е. Жемеркова). На 1922/1923 академический год для латвийских белорусов была выделена квота 10 стипендий (из 37 предоставленных в целом). На следующий, 1923/1924, академический год пражские белорусы пообещали латвийским белорусам 7 стипендий (из 16, обещанных МИД ЧСР). Об этом удалось договориться директору Даугавпилсской белорусской гимназии И. Красковскому во время посещения Праги в 1923 г. Однако осенью 1923 г. Белорусская громада в Праге сообщила латвийским белорусам об отмене предварительно предоставленной квоты, объяснив это тем, что осенью в Прагу нелегально приехало 30 кандидатов из Западной Беларуси. Белорусские деятели из Риги и Даугавпилса трактовали данное решение как дискриминацию латгальских белорусов (Грыбоўскі, 2023, с. 133).

Ниже приведем выдержки из письма одного из лидеров каунасских белорусов П. Кречевского, адресованного латвийским белорусам, в котором автор попытался объяснить принятое решение:

«Ставить национально-культурное дело в Латвии исключительно в зависимость от приема или неприема на пражские стипендии невозможно, т.к. это будет не культура, а транспортное бюро Двинск (Даугавпилс – А.Б.) – Прага.

Вы из того же самого равенства не можете сказать своим братьям из Виленщины и Гроднещины: ведите борьбу, садитесь в тюрьмы, даже умирайте, но не занимайте наши места в Праге, потому что мы хотим спокойно вести культурную работу» (Грыбоўскі, 2023, с. 134).

Ю. Грибовский пишет, что только единицы из числа латвийских белорусов после окончания обучения в ЧСР зарекомендовали себя как национально-сознательные активисты (Грыбоўскі, 2023, с. 137). По нашим подсчетам, в ЧСР в 1920-е гг. обучалось не менее 15 человек, отправленных по квоте, предназначенной для латвийских белорусов.

Именно эта группа студентов была наиболее слабой в национальном плане. 4 из 5 приехавших из Латвии белорусов (К. Гладкая, Е. Жемеркова,

1 Латвийские белорусы компактно проживали в юго-восточной части страны и в городе Риге. Белорусы считались пятой по численности группой среди национальных меньшинств (после русских, евреев, немцев и поляков). В межвоенные годы численность белорусов в Латвии колебалась в пределах от 79 529 чел. (в 1920 г.) до 26 867 чел. (в 1935 г.).

Г. Соколов, П. Цветков) летом 1922 г., не видя «различий между великороссами, белорусами и другими народами, населяющими Россию», не желая принять для себя «узко-самостийно-шовинистические настроения, которые господствуют среди местного белорусского студенчества», попросились перевестись в Комитет по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой Республике (AMZV ČR. II Sekce politická. К. 241. Č. 98564).

Чаще всего ТБШ и каунасское эмиграционное правительство БНР присылали в Прагу списки, в которых количество желающих учиться в ЧСР значительно превышало число предоставленных стипендий. В таких случаях президиум Белорусской громады в Праге осуществлял дополнительную фильтрацию списков, полученных из Вильно, Каунаса и Риги. При этом прежде всего учитывались образовательный уровень претендентов (учеба в чехословацких вузах требовала высокого уровня знаний, полученных в средней школе) и степень ангажированности кандидата в белорусское национальное движение. После утверждения списков Белорусской громадой в Праге Н. Вершинин относил их в ЧУК, где сотрудники комитета сверяли соответствие кандидатов требованиям чехословацких университетов.

Случалось, что и Белорусская громада в Праге направляла в Вильно свои рекомендации относительно выбора претендентов на стипендии. Так, в середине 1922 г. представитель белорусских студентов в ЧУК Я. Станкевич писал в ТБШ о том, что «наилучший материал для студентов в Прагу — это крестьянские сыновья из деревни», «пускай едут те, кто вынужден ехать, а не те, кто может учиться в Вильно» (НАРБ. Ф. 883. Оп. 1. Д. 18. Л. 97).

Перед выездом в Чехословакию кандидаты, отправляемые виленским ТБШ, давали расписку, в которой брали на себя обязательства после окончания обучения в ЧСР вернуться работать на Родину; издать по своей специальности одну книгу на белорусском языке; послать по выбору ТБШ одного белоруса в вуз за границу и за свой счет содержать его там во время обучения. Завершалась расписка следующими словами:

«Если не исполню означенных выше трех пунктов, то обязываюсь вернуть Центральной Белорусской Школьной Раде (имеется в виду ТБШ – А.Б.) все деньги, выданные на мое образование как Чехословацким правительством, так и белорусскими организациями» (НАРБ. Ф. 883. Оп. 1. Д. 21. Л. 88; AMZV ČR. II Sekce politická. К. 241. Č. 98564).

Виленское ТБШ, требуя от включенных в списки стипендиатов выполнения обязательства, рассчитывало в будущем видеть в них прежде всего активистов белорусского национального движения, потребность в которых так остро ощущалась в Западной Беларуси. Отметим, что нам не удалось найти подтверждений тому, что у окончивших чехословацкие вузы белорусов-стипендиатов чехословацкого правительства требовали исполнения взятых на себя обязательств перед отправкой в Прагу (издание книги на белорусском языке по своей специальности; возвращение обратно домой в Западную Бела-

реть; оказание материальной помощи одному абитуриенту-белорусу для получения высшего образования за границей).

После подписания обязательства-расписки будущие студенты заполняли анкету, в которой указывали полную информацию о своей семье, а также указывали причину, способ и цель своего приезда в Чехословакию. При этом во всех анкетах сведения о причине, способе и цели приезда были одинаковыми, а именно: причина — преследование со стороны оккупационных властей, способ — нелегальный, цель — поиск путей завершения образования и избежание ареста. При этом каждый анкетиремый подтверждал, что после окончания обучения будет работать до полного освобождения белорусского народа в границах этнографической территории (НАРБ. Ф. 883. Оп. 1. Д. 21. Л. 70–71).

Весной 1922 г. студенты, приехавшие из Вильно и давшие такие расписки ТБШ, составляли большинство в Белорусской громаде в Праге. Они посчитали, что студенты, которые приехали в Прагу из других городов, обязаны дать расписки такого же содержания, т. к., с их точки зрения, решение ТБШ обязательно для всех. Студенты, не согласные давать расписку-обязательство, пожаловались представителю МИД ЧСР в ЧУК и попросили о переводе их в Комитет по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой Республике. МИД ЧСР удовлетворил просьбу этих 7 студентов (4 из них приехали из Латвии; о них см. выше), а Н. Вершинину было передано, что виленское ТБШ не имеет права требовать от студентов возврата потраченных на обучение денег, т. к. эти средства были выделены из бюджета ЧСР (Kolenovská & Plavec, 2017, s. 151–152).

ТБШ в Вильно, информируя Белорусский отдел Министерства образования в Латвии о предоставлении латвийским белорусам на 1922/1923 академический год 10 стипендий, вместе с тем напоминало, что «отправлять нужно только национально сознательных кандидатов, взяв с них письменное обязательство» (Грыбоўскі, 2023, с. 131).

Перед отправлением в Прагу включенные в списки виленского ТБШ абитуриенты должны были явиться в виленский офис ТБШ для получения удостоверения, подтверждающего включение в число стипендиатов. В качестве примера приведем текст подобного удостоверения, выданного главой ТБШ в Вильно А. Луцкевичем В. Жилко 20 января 1923 г.:

«Центральная Белорусская Школьная Рада этим свидетельствует, что гражданин Владимир Жилко, которому определена Чешским правительством стипендия для получения высшего образования, направляется в Прагу Чешскую для поступления там в политехнику.

По своему материальному положению гр. В. Жилко требует финансовой помощи на своё путешествие.

Школьная Рада просит все белорусские и иностранные учреждения помогать гр. В. Жилко в этом путешествии» (NA ČR. F. 908. K. 282).

Часть молодых людей ехала в Прагу без таких справок (но в список ТБШ были включены), а некоторые — даже без согласия ТБШ. В будущем это создавало дополнительные трудности как для Белорусской громады в Праге, так и для самих нелегально прибывших при их зачислении в вузы ЧСР и поиске стипендий (НАРБ. Ф. 883. Оп. 1. Д. 18. Л. 140).

ТБШ также отправляло на учебу в ЧСР тех, кто желал учиться за свой счет. В основном это были евреи, окончившие белорусские гимназии в Западной Беларуси. В таких случаях сотрудники ТБШ при посредничестве Белорусской громады в Праге помогали данной группе абитуриентов получить визу для въезда в Чехословакию. Эти лица не подписывали никаких обязательств и учились в чехословацких вузах за собственные средства (НАРБ. Ф. 883. Оп. 1. Д. 18. Л. 63).

Переезд белорусской молодежи в Чехословакию

Можно выделить три основных способа, используемых юношами и девушками из Западной Беларуси, чтобы добраться до Чехословакии: легальный, полулегальный и нелегальный.

Те белорусы, которые выбирали первый способ, имели польские паспорта. Через чехословацкое представительство в Варшаве они получали визы для въезда в Чехословакию и отправлялись в Прагу на поезде. Легальный способ использовали также латвийские белорусы. Они, будучи гражданами Латвии, получали визы в чехословацком представительстве в Риге и по ним въезжали в ЧСР. Также легально, по дипломатическим или заграничным паспортам БНР, в Прагу, как правило, из Каунаса выезжали лица, вовлеченные в деятельность структур БНР и включенные в «белорусский список» стипендиатов чехословацкого правительства¹.

Отметим, что польские власти крайне неохотно выдавали паспорта тем белорусам, которые хотели выехать на учебу за границу (Жук-Грышкевич, 1993, с. 42). Поэтому наиболее распространены были полулегальный и нелегальный маршруты. Вторая, довольно большая, группа западнобелорусских абитуриентов отправлялась в Прагу полулегальным способом. Первым и самым опасным этапом маршрута была дорога из Вильно в Каунас. В начале 1920-х гг. столица тогдашней Литвы была одним из перевалочных пунктов для кандидатов на обучение в Чехословакии. Пересечение демаркационной линии, а позже границы, для некоторых стало настоящим пропуском к знаниям (Блашчак, 2022, с. 228). Главной угрозой для тех, кто выбирал такой маршрут была возможность задержания при нелегальном пересечении польско-литовской границы польскими пограничниками, что означало возвращение в Польшу и автоматически влекло за собой арест. Интересно, что от литовских стражей границы белорусские нелегалы особо не прятались, т. к. рассчитывали на защиту и поддержку представителей дипломатического представительства БНР в Литве (Жук-Грышкевич, 1993, с. 42).

1 Больше всего таких абитуриентов отправилось в Прагу осенью 1921 — весной 1922 гг.

Белорусы, нелегально перешедшие польско-литовскую границу, в консульском отделе дипломатического представительства БНР в Литве получали заграничный паспорт БНР. Далее абсолютно легально по этим документам транзитом через Германию отправлялись в Чехословакию. Рассчитывать на получение заграничного паспорта БНР можно было примерно до середины 1924 г., т. к. после этого деятельность каунасского дипломатического представительства БНР практически остановилась (Блашчак, 2022, с. 229; Шупа, 1998, с. 1348; Чэмер, 1997, с. 18). По такому паспорту, например, в 1922 г. из Ковно в Прагу приехал Н. Вермей, впоследствии видный деятель леворадикального течения белорусского национального движения в Западной Беларуси.

Отметим, что в получении разрешения на въезд в Чехословакию принятым на стипендии белорусам большую помощь оказывал Н. Вершинин. Для этого он составлял списки тех, кто нуждается в визах, и относил их в МИД ЧСР. Министерство, в свою очередь, отправляло распоряжение чехословацким представительствам в Варшаве, Каунасе, Риге, Софии о выдаче виз белорусам из списков Н. Вершинина (НАРБ. Ф. 883. Оп. 1. Д. 18. Л. 51, 52, 62, 62 об.; НАРБ. Ф. 883. Оп. 1. Д. 22. Л. 13, 13 об.).

Н. Вершинин также выполнял роль связующего звена между представителями белорусского национального движения в Западной Беларуси и Литве. В октябре 1922 г. Дипломатическое представительство БНР в Литве писало в Прагу:

«Просим Вас по телеграфу сообщить ТБШ, чтобы они не высылали через Каунас ни одного студента (чешский консул в Каунасе приостановил выдачу виз студентам-стипендиатам, т.к. списки белорусских студентов (20 вакансий) еще не предоставлены в МИД ЧСР – А.Б.), т.к. они здесь виз не получают. Просим Вас предоставить в МИД ЧСР списки студентов, зачисленных на вакантные места, и просить, чтобы МИД ЧСР переслал эти списки своим консулам в Каунасе и Варшаве» (НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 200. Л. 87).

Дипломатический представитель БНР в Литве мог и самостоятельно просить чехословацкого консула в Каунасе о выдаче виз для белорусов:

«Этим Дипломатическое представительство БНР имеет честь просить не отказывать в выдаче виз белорусским студентам высших школ ЧСР, которые отправляются на стипендии, представленные чехословацким правительством студентам-белорусам. Визы просим выдать на льготных условиях для проезда в Прагу» (НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 201. Л. 73).

Кроме того, дипломатическое представительство БНР в Литве помогало в получении транзитных виз для проезда через Германию, ведя переговоры с консульством Германии в Каунасе (НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 227. Л. 19, 35, 38).

Самым опасным был третий способ — нелегальный маршрут из Западной Беларуси в Прагу. Те, кто выбирал этот маршрут, как правило, старались взять рекомендательное письмо от одного из виленских белорусских деятелей. Затем они поездом отправлялись в Варшаву. Из польской столицы они также добирались ближе к польско-чехословацкой границе. Границу переходили

в разных местах. Чаще всего в районе Карпат. В этом случае нужно было на поезде из Варшавы доехать до Закопане, потом — до приграничной железнодорожной станции Конювка. В Конювке будущие студенты связывались с местным проводником, который доводил их до польско-чехословацкой границы (расстояние от Конювки до границы составляло 8 километров) и показывал, где ее можно перейти. Оказавшись в ЧСР, молодые белорусы пешком шли к железнодорожной станции Тврдошин, а оттуда на поезде ехали в Прагу (Муха-Мухновский, 1973, с. 47–48).

Н. Вершинин находился в постоянном контакте с каунасскими белорусами и регулярно сообщал Дипломатическому представительству БНР в Литве о том, кто приехал, а кто еще находится в пути:

Сегодня (26.01.1923 г. – А.Б.) прибыли в Прагу два парня, бывшие учителя, Коберец и Габринович. Они тайно перешли границу. Рассказывают, что вторая партия в числе 7 человек еще в дороге, в том числе и две женщины Бодунова и Зенькович» (НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 131. Л. 8).

Н. Вершинин порой и сам поощрял нелегальный приезд в ЧСР. Так, в октябре 1922 г. Н. Вершинин рекомендовал ТБШ в Вильно, надеясь на то, что обещанные белорусам стипендии будут предоставлены, отправлять претендентов без согласования в МИД ЧСР:

«Те, кто приехал бы теперь в Прагу, имели бы больше шансов на принятие их министерством, т.к. с ними бы считались как с эмигрантами. Тем более нам пообещали новые стипендии. Поэтому кто отважный и может рисковать, пускай едет, но должен иметь столько денег, чтобы, если его не примут на стипендию, мог вернуться домой» (НАРБ. Ф. 883. Оп. 1. Д. 18, Л. 66–66 об.).

Один из активистов просоветской группы пражских белорусских студентов Н. Шиманко в своих воспоминаниях писал о том, что почти вся западнобелорусская молодежь добиралась до Праги нелегально и выбирала преимущественно нелегальный переход польско-чехословацкой границы (Шыманка, 1997, с. 13).

Имеются сведения, что виленское ТБШ выдавала тем академическим эмигрантам из Западной Беларуси, у которых совершенно не было средств, необходимое количество денег на дорогу до Праги и даже на визы (AMZV ČR. II Sekce politická. K. 241. Č. 98564).

Роль диаспоральных структур в адаптации приезжих

Оказавшись в Праге, молодые белорусы спешили найти дом по адресу Вензигова, 4 (район Прага II). В этом доме располагалась квартира Н. Вершинина (две комнаты и кухня), которая была также его рабочим кабинетом как представителя БНР в ЧСР, местом регистрации белорусских организаций в ЧСР, например Белорусской громады в Праге и Белорусской рады в Праге. Кроме того, адрес проживания Н. Вершинина фигурировал как место регистрации некоторых пражских белорусских студентов. Время от времени Н. Вершинин давал возможность пожить у себя тем белорусам, которые

не имели возможности снять себе жилье в Праге либо ее пригородах. Один из таких квартирантов – студент А. Калоша – впоследствии женился на его дочери Ольге.

Н. Вершинин помогал приехавшим в Прагу белорусам с поиском жилья, давал рекомендательные письма в украинские беженские организации (например, Украинский общественный комитет), через которые молодых людей заселяли в общежитие, обеспечивали бесплатными обедами, улаживал правовые вопросы, оказывал содействие при поступлении в вузы и, самое главное, при получении стипендии (Муха-Мухновский, 1973, с. 55).

По мере увеличения численности белорусов в Праге решением этих вопросов стали заниматься и другие члены Белорусской громады в Праге. Именно эта организация выступала посредником в контактах с государственными органами ЧСР и представляла интересы белорусских студентов в органах ЧУК. В начале 1924 г. после ликвидации Белорусской громады в Праге выполнение части ее функций перешло к Белорусской раде в Праге. Студенческая секция при Белорусской громаде в Праге стала подчиняться непосредственно ЧУК, через который получала финансовую помощь на ведение деятельности (Буча, 2020, с. 352).

Чтобы стать членом Белорусской громады в Праге, необходимо было написать заявление и исправно платить членские взносы. Размер платы зависел от финансового положения студента. Только члены Белорусской громады в Праге и Студенческой секции, которая действовала при ней, имели право голоса, могли избираться в президиум, делегироваться в ЧУК и его органы (вещевую комиссию, учебно-проверочную комиссию, студенческий совет), Студенческий дом¹ (НАРБ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 55. Л. 28).

Студенческая секция при Белорусской громаде в Праге занималась урегулированием вопросов внутренней жизни студенческого сообщества и удовлетворением насущных нужд студентов. Последнее слово при зачислении в список потенциальных стипендиатов принадлежало председателю Белорусской громады в Праге и главе Студенческой секции. Поэтому борьба за лидерство в секции всегда была ожесточенной. После выхода половины студентов из состава Студенческой секции при Белорусской громаде в Праге и создания Объединения белорусского прогрессивного студенчества представители этих двух организаций паритетно представляли интересы белорусских студентов в органах ЧУК. Делегатов в Студенческий дом выбирали на общих собраниях Белорусской громады в Праге (НАРБ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 55. Л. 28; Хроніка, 1924, с. 61).

Белорусские земляческие организации (Белорусская громада в Праге, Белорусская рада в Праге) помогали нелегально прибывшим в Прагу или приехавшим по паспортам БНР белорусам получить удостоверения личности

1 Студенческий дом объединял многонациональное студенчество Праги. В помещении Студенческого дома располагались учебные классы, читальные и лекционные залы, столовая, кафе, прачечная, ваннные комнаты.

(«пруказы»)¹, выдавая просителям рекомендательные письма (с обязательным указанием на то, что проситель является эмигрантом), которые те, в свою очередь, предоставляли в «Русский отдел» МИД ЧСР. Приведём пример типичной рекомендации, выданной члену Белорусской громады в Праге, студенту И. Журенкову:

«Белорусская громада в Праге подтверждает, что ее член, студент Иван Журенков, родившийся 28.08.1903 в Вильно, белорусской национальности, действительно является политическим эмигрантом, потому что агитировал за белорусов в период выборов в Варшавский сейм, был за это преследован польскими властями, и чтобы избежать ареста вынужден был убежать за границу» (NA ČR. F. 908. K. 282).

Наличие «пруказа» не только давало право на пребывание в стране, но и служило одним из условий выдачи стипендии. Очень интересен кейс уроженки местечка Мир М. Садовской. 15 октября 1923 г. она подала в «Русский отдел» МИД ЧСР заявление на выдачу «пруказа», в котором указала русскую национальность. К этому заявлению была прикреплена рекомендация² от Союза русских студентов в ЧСР, датированная 18 октября 1923 г. В прошении, адресованном «Русскому отделу» МИД ЧСР 15 ноября 1923 г., М. Садовская писала следующее:

«Работая, как русская учительница в одной из школ Новогрудского уезда, я все время вела агитацию за русские школы на территории Польши, за что навлекла на себя преследования со стороны польских властей. Кроме агитации за свою школу я принимала горячее участие в предвыборной агитации в Польский Сейм за “Блок национальных меньшинств”. Спустя некоторое время после выборов с новой силой начались преследования польскими властями лиц, отстаивающих права национальных меньшинств» (NA ČR. F. 908. K. 253).

К этому прошению М. Садовская приложила удостоверение, выданное «Белорусским центральным избирательным комитетом» и уполномочивавшее ее вести предвыборную агитацию. Примечательно, что под прошением стояли подписи белорусских студентов К. Бусько, М. Коберца, В. Лавского, подтвердившие, что М. Садовская не позднее 28 октября 1923 г. приехала в ЧСР. Достоверность подписей студентов удостоверил председатель Белорусской громады в Праге Н. Вершинин. «Пруказ» М. Садовской был выдан 22 ноября 1923 г., а уже 15 января 1924 г. она была принята на иждивение ЧУК, а не Комитета по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой Республике, именно как студентка-белоруска. Случай М. Садовской показывает, помимо прочего, лиминальность ее национальной идентичности. Видимо, стремясь избежать выдворения из страны, она была готова деклари-

1 «Пруказ» – удостоверение личности, выдаваемое властями ЧСР выходцам из бывшей Российской империи. Этот документ давал право на пребывание в стране, передвижение по ее территории и служил основанием для принятия на работу (Серрапионова, 2006, с. 145).

2 В рекомендации подтверждалась личность заявителя и достоверность предоставленных им данных. Их желающему получить «пруказ» эмигранту имели право выдать только официально зарегистрированные в ЧСР «русские» эмигрантские организации, либо два известных чехословацких гражданина.

ровать ту идентичность, выбор которой способствовал бы решению вопроса о правовой легализации. Для руководителей Союза русских студентов в ЧСР, выдавшего ей рекомендацию для получения «пруказа», она была «своей», т.к. являлась православной уроженкой северо-западных губерний бывшей Российской империи. Для белорусских студентов и Н. Вершинина, поставивших свои подписи под прошением М. Садовской, она также была «своей». Даже слова М. Садовской об «агитации за русские школы на территории Польши» не повлияли на решение национально ориентированных белорусов прийти на помощь своей землячке. Отметим, что после получения стипендии по линии ЧУК М. Садовская стала принимать активное участие в жизни белорусского сообщества в ЧСР. Если бы она была взята на иждивение Комитета по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой Республике, то, вероятно, пополнила бы ряды русской эмиграции в ЧСР и сделала бы выбор в пользу русской идентичности.

Студенты, не получавшие стипендию или ожидавшие ее назначения, могли рассчитывать на финансовую помощь со стороны таких белорусских организаций, как Белорусская громада в Праге, Студенческая секция при Белорусской громаде в Праге, спортивная организация «Белорусский сокол», Белорусская рада в Праге. Кроме того, эти организации помогали получать бесплатные обеды для малоимущих белорусских студентов в благотворительных организациях, действовавших в Праге (Буча, 2020, с. 349–352). Белорусов, не получавших стипендии, поддерживал также Украинский общественный комитет во главе с Н. Шаповалом. Историк О. Ямкова пишет, что по состоянию на 1 июля 1924 г. на попечении этой организации находилось 34 белоруса (Ямкова, 2002, с. 111).

Осенью 1923 г. в Прагу прибыла достаточно большая группа белорусских эмигрантов-нелегалов — 26 человек. Эти белорусы приехали после окончания срока регистрации в вузах. Большинство из них не имели законченного среднего образования и прибыли без предварительных договоренностей. Поэтому назначение им стипендий сопровождалось значительными трудностями. Решение этого вопроса потребовало мобилизации ресурсов всей диаспоры. Уже 14 ноября 1923 г. Белорусская громада в Праге направила в МИД ЧСР меморандум с просьбой о выделении 26 стипендий белорусам, нелегально прибывшим в Прагу. Тем, кто не получал стипендию, предлагалось оформить «пруказы», что позволило бы им временно трудоустроиться (Kolenovská & Plavec, 2017, s. 169–173).

С 10 ноября по 18 декабря 1923 г. Белорусская рада в Праге организовала выдачу денег белорусам, не получавшим стипендии, из расчета 3 чешские кроны в день на человека. Всего на эти нужды было потрачено 4690 чешских крон, что составило 50 % расходов организации за данный период (Kolenovská & Plavec, 2017, s. 174–175). В конце 1923 г. — начале 1924 г. Белорусская громада в Праге организовала кампанию по сбору средств для белорусских студентов-политэмигрантов (НАРБ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–5). По информации белорус-

ской эсерки П. Бодуновой, около 3000 чешских крон на помощь 26 белорусским эмигрантам, не получавшим стипендии, в конце 1923 г. предоставил из личных средств проф. Е. Ляцкий. Чтобы вместе встретить Новый 1924-й год, студенты, получавшие стипендию, собрали по 25 чешских крон с человека и пригласили на праздник малоимущих белорусов из числа тех, кто осенью 1923 г. нелегально прибыл в Прагу (Архівы ..., 1998, с. 1493). Благодаря работе, проделанной белорусскими организациями в ЧСР, на протяжении 1924 г. эти студенты были взяты на попечение ЧУК.

«Коллективный портрет» белорусских студентов, учившихся в середине 1920-х в ЧСР

По нашим подсчетам, всего в 1920–1930-е гг. в вузах ЧСР обучалось около 700 этнических белорусов, что составляло примерно 10 % от общего числа стипендиатов чехословацкого правительства. Около 200 из них пользовались стипендиями, предназначенными для белорусских национальных организаций в Западной Беларуси, Литве и Латвии. Еще около 400 белорусов получали стипендии через русские эмигрантские организации в ЧСР и были зарегистрированы при Земгоре. Эти студенты, будучи этническими белорусами, сделали выбор в пользу русской идентичности. Часть белорусов — как из Западной Беларуси, так и из Латвии — обучалась в ЧСР за собственные средства. Белорусские организации, как правило, помогали им с получением чехословацких виз, зачислением в вузы и решением других вопросов, связанных с проживанием в ЧСР. Таким образом, по численности белорусы занимали третье место среди национально разнородного студенчества из бывшей Российской империи.

Для бюджета «Русской акции помощи» несколько сотен «белорусских» стипендий могли показаться незначительной величиной; однако для белорусского национального движения это была уникальная возможность подготовить в вузах ЧСР кадры белорусской национальной интеллигенции. В этой связи один из лидеров белорусской эмиграции в ЧСР Т. Гриб рассматривал Прагу как центр накопления культурного потенциала белорусского национального движения (Архівы ..., 1998, с. 1390).

Для более точного понимания «качественных» характеристик белорусских студентов нами была составлена выборка из 93 человек, которые в 1924–1927 гг. обучались в ЧСР, были зарегистрированы в ЧУК и получали через эту организацию стипендии. В выборку были включены все студенты, продекларировавшие свою белорусскую национальность¹. Отметим, что благоприятные условия межвоенной ЧСР — либеральное законодательство, положительный пример чехов как небольшого славянского народа, сумевшего построить собственное государство, и отсутствие притеснения со стороны

1 Графа «национальность» имеется как в карточках, составленных сотрудниками ЧУК, так и в анкетах, которые каждый студент лично заполнял при поступлении на иждивение ЧУК.

доминирующей национальной группы — способствовали сохранению и укреплению национальной идентичности большинства белорусских студентов.

Основой для составления выборки послужили две картотеки студентов-белорусов за 1924/1925 и 1926/1927 академические годы, обучавшихся в Праге (Карлов университет и Чешский технический университет), а также выявленные в картотеках за 1924–1927 гг. сведения о белорусских студентах высших школ Братиславы, Брно и Пршибрама. Эти документы хранятся в фонде 746 (Комитет по обеспечению образования русских и украинских студентов в ЧСР) Национального архива Чешской Республики. В том же фонде нами были обнаружены личные дела белорусских студентов, находившихся на иждивении ЧУК в рассматриваемый период. Полезным для исследования оказался и фонд 908 (Министерство заграничных дел – Русская акция помощи) Национального архива Чешской Республики. На основе сведений из этих архивных фондов, упомянутых выше картотек, списков членов белорусских студенческих организаций, выявленных в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства, а также информации из других источников мы с использованием метода просопографии собрали и проанализировали следующие данные: 1) дату принятия на иждивение ЧУК; 2) вуз; 3) факультет; 4) специализацию; 5) город обучения; 6) правовое положение; 7) год рождения; 8) домашнюю принадлежность / место жительства родителей; 9) предварительную учебную подготовку до приезда в ЧСР; 10) год получения среднего образования либо завершения обучения в среднем учебном заведении; 11) наличие диплома о высшем образовании; 12) место жительства после окончания учебы; 13) членство в белорусской студенческой земляческой организации по состоянию на август 1924 г.

Отметим, что именно в середине 1920-х гг. в ЧСР обучалось максимальное число белорусов, большинство которых получили доступ к высшему образованию благодаря «Русской акции помощи» чехословацкого правительства. Поэтому сформированная нами выборка и включенные в нее сведения являются релевантными и позволяют составить «коллективный портрет» белорусских студентов, обучавшихся в середине 1920-х гг. в ЧСР.

Среди 89 белорусских студентов, которые в августе 1924 г. находились на иждивении ЧУК, 86 являлись членами трех белорусских студенческих земляческих организаций: Студенческой секции Белорусской громады в Праге (СС БГ) — 29 человек; Объединения белорусского прогрессивного студенчества (ОБПС) — 37 человек; Студенческой секции Белорусской громады в Праге (мыслящей прогрессивно) (СС БГ (МП)) — 20 человек. Иными словами, практически все студенты-белорусы, являвшиеся стипендиатами чехословацкого правительства, были вовлечены в жизнь белорусского студенческого сообщества. Помимо этих 86 студентов-стипендиатов по линии ЧУК, членами перечисленных выше белорусских студенческих организаций в августе 1924 г. числились еще 29 человек (СС БГ — 1; ОБПС — 14; СС БГ (МП) — 14), которые либо обучались за свой счет, либо получали материальную помощь из других

источников. Таким образом, летом 1924 г. число студентов-белорусов, состоявших в белорусских студенческих организациях в ЧСР, составляло как минимум 115 человек. Для сравнения, основу наиболее активной части главной белорусской студенческой организации, действовавшей в 1920-1930-е гг. в стенах Виленского университета им. С. Батория, — Белорусского студенческого союза — составляли от 40 до 60 человек в зависимости от периода (Мостыка, 2018, с. 127).

91,4 % белорусских студентов обучались и, соответственно, проживали в Праге либо ее пригородах. Вторым по популярности городом была Братислава. Там в университете Я. А. Коменского обучались 4 белоруса. Еще 3 учились в Брно (Чешский технический университет, Масариков университет), 1 – в Пржибраме (Горный институт).

Самым популярным у белорусов вузом был Чешский технический университет. В нем обучались 54 белоруса (58 % от общего числа студентов). Вторым по популярности вузом был Карлов университет в Праге. В его стенах высшее образование получал 31 белорус (33,3 % от общего числа студентов).

Распределение белорусских студентов по факультетам Чешского технического университета в Праге было следующим: сельскохозяйственный и лесотехнический факультет¹ – 33 чел. (агрономия – 13, лесное хозяйство – 13, землеустройство – 7), машиностроения и электротехники – 6, строительный – 12, торговли – 2, архитектурный – 1.

В Карловом университете в Праге на медицинском факультете обучались 16 белорусов, на философском – 12, природоведческом – 2, юридическом – 1.

Таким образом, самыми популярными среди белорусов были технические и медицинские специальности. Следует отметить, что перед отправкой белорусов на учебу в Прагу виленские белорусские деятели просили, чтобы они помнили, что в первую очередь в Западной Беларуси нужны учителя белорусских гимназий, а уже потом специалисты сельского и лесного хозяйства (Жук-Грышкевич, 1993, с. 44).

Что касается правового положения, то большинство зарегистрированных в ЧУК белорусов пользовались «пруказами», которые выдавались студентам-политическим эмигрантам. Статус «политического эмигранта» был одним из условий предоставления стипендии. 6 белорусов имели латышские паспорта, 4 – польские, 2 – литовские, 1 – паспорт Королевства С.Х.С. После окончания учебы и получения диплома те белорусы, которые решили вернуться в Западную Беларусь, без существенных затруднений могли получить польский паспорт. Для этого нужно было прийти в польское консульство, написать там заявление и заполнить анкету (Муха-Мухновский, 1973, с. 127–128).

На иждивение ЧУК в 1922–1923 гг. были приняты 73 из 93 включенных в нашу выборку студентов. Именно на эти годы пришелся самый большой наплыв белорусов в ЧСР.

1 То, что мы обозначили факультетом, в ЧСР именовалось высшей школой.

По состоянию на 1924 г. 62 % (58 человек) белорусских студентов входили в возрастную группу 20–25 лет (1899–1904 г. р.). 28 % (26 человек) находились в возрасте 26–30 лет (1898–1894 г. р.). Только 5 студентов были старше 31 года.

70 % белорусов происходили из Западной Беларуси. В основном это были уроженцы Новогрудского и Виленского воеводств тогдашней Польши. На долю Белостокского и Полесского воеводств пришлось менее 10 % от общего числа студентов. Среди белорусов, приехавших из Западной Беларуси, большинство составили православные. 18,2 % студентов являлись выходцами из БССР, 9,7 % – из Латвии. Подчеркнем, что 9 из 17 студентов из БССР являлись уроженцами Слуцкого уезда Минской губернии. Это были православные белорусы, принимавшие активное участие в белорусском национальном движении на Случчине в период польско-советской войны 1919–1920 гг., в том числе в Слуцком анти-советском вооруженном выступлении (М. Басевич, С. Бусел, М. Коберец, И. Лембович, В. Русак).

44 % белорусских стипендиатов чехословацкого правительства окончили западнобелорусские гимназии (Виленскую белорусскую гимназию – 25 человек, Новогрудскую белорусскую гимназию – 13 человек, Несвижскую белорусскую гимназию – 3 человека)¹. Отметим, что выпускники западнобелорусских гимназий начала 1920-х гг. стали фактически первым поколением белорусов, которые учились на белорусском языке. Сами же гимназии стали настоящими «кузницами национальных кадров». Белорусы, не имевшие законченного среднего образования, (18 человек или 19,4 %) были зачислены на 10-месячные украинские подготовительные курсы (Подебрады, Прага, Юзефов), по окончании которых получили аттестаты зрелости.

Диплом о высшем образовании получили 63 белоруса (67,7 %), включенные в выборку; не завершили обучение 15 чел. (16,1 %)². После окончания учебы в ЧСР остались 34,4 % (32 человека), в Западную Беларусь вернулись 23,6 % (22 человека), в БССР выехали 4,3 % (4 человека), в Латвию возвратились 4,3 % (4 человека)³.

Белорусы были третьей по численности – после русских и украинцев – национальной группой из числа беженцев, приехавших в ЧСР из бывшей Российской империи. Всего за период с 1921 по 1934 гг. стипендиями чехословацкого правительства воспользовались 6818 человек. Дипломы получили 4180 (60,4 %) «русских» студентов (AMZV ČR. II Sekce politická. K. 187). Среди белорусских студентов этот показатель был выше и составил 67,7 %.

Белорусские студенты были значительно моложе русских и украинских студентов. Как отмечалось выше, 62 % белорусских студентов входили в возрастную группу 20–25 лет. У русских к этой возрастной группе относились 31,2 % студентов, у украинцев – 41 % женщин и лишь 27,1 % мужчин. Самой

1 Информацию о среднем образовании 8 из 93 студентов мы не нашли.

2 Из них 3 человека умерли. Отметим, что мы не нашли информацию относительно (не)завершенности высшего образования 15 белорусских студентов, включенных в выборку.

3 Информацией, касающейся 26 включенных в выборку студентов, мы не располагаем.

многочисленной как среди русских, так и среди украинцев была возрастная группа 26–30 лет. К этой группе относилась примерно половина студентов (Студенческие годы, 1924, с. 32; Шрамченко, 1926, с. 5). У белорусов к этой возрастной группе относились лишь 28 %.

Учитывая существенную разницу в среднем возрасте, среди белорусов по сравнению с русскими и украинцами было значительно меньше студентов, которые еще до приезда в ЧСР имели опыт обучения в вузах, прерванный мобилизацией в годы Первой мировой войны и революционными событиями 1917 г. Таких студентов среди русских было 66 %, а среди украинцев – 50 % (Студенческие годы, 1924, с. 33; Шрамченко, 1926, с. 9).

Белорусы, как и украинцы, в большинстве своем (около 70 %), приехали из Польши. Западная Украина, как и Западная Беларусь, по условиям Рижского мирного договора 1921 г. была включена в состав Польши.

Большинство украинцев (64,3 %) попали в ЧСР нелегально. И, наоборот, русские студенты в основном на легальных основаниях (77,6 %) приезжали в ЧСР (Студенческие годы, 1924, с. 33; Шрамченко, 1926, с. 3). По этому показателю белорусы были ближе к украинцам.

По вероисповеданию большинство русских (88,9 %) и белорусов были православными. Приехавшие из Западной Украины украинцы в основном были греко-католиками (Студенческие годы, 1924, с. 33; Шрамченко, 1926, с. 6).

Заключение

Результатом последовательной и целенаправленной работы Белорусской громады в Праге и, в первую очередь, ее председателя Н. Вершинина стало выделение чехословацким правительством в рамках «Русской акции помощи» стипендий белорусам для обучения в вузах ЧСР. Массовый приток белорусской молодежи, прежде всего уроженцев Западной Беларуси, в Прагу пришелся на 1921–1925 гг. В кампании по отбору претендентов на обучение в чехословацких вузах приняли участие ТБШ в Вильно, эмиграционное правительство БНР в Каунасе, Белорусский отдел Министерства образования Латвии.

Большинство белорусских стипендиатов чехословацкого правительства составили выпускники Виленской и Новогрудской белорусских гимназий, действовавших на территории Западной Беларуси, входившей в состав Польши. Создание польскими властями барьеров для получения высшего образования выпускниками западнобелорусских гимназий и благоприятные условия, созданные для академических эмигрантов в ЧСР в рамках проведения «Русской акции помощи», сделали в 1920-е гг. Прагу одним из крупнейших и наиболее влиятельных белорусских академических центров, существовавших за пределами этнических белорусских земель.

Основную работу по организации переезда западнобелорусской молодежи в ЧСР, включавшую взаимодействие с государственными органами ЧСР, отвечавшими за реализацию «Русской акции помощи», а также с белорусскими

национальными организациями Польши, Литвы и Латвии, направлявшими белорусских абитуриентов в ЧСР, а также по социально-экономической и правовой адаптации прибывших, выполнял один из лидеров белорусского землячества в Праге Н. Вершинин. По мере увеличения белорусского присутствия в ЧСР в отбор претендентов из числа белорусов на обучение в вузах ЧСР, обустройство приехавших и взаимодействие с беженскими посредническими общественными организациями, занимавшимися распределением стипендий и сопровождением образовательного процесса академических эмигрантов, включились и белорусские студенты, входившие в руководство Белорусской громады в Праге, Студенческой секции Белорусской громады в Праге и Объединения белорусского прогрессивного студенчества.

В 1920-е гг. в чехословацких университетах по стипендиям, предназначенным для белорусов в рамках «Русской акции помощи», училось несколько сотен человек. В это время Чехословакия стала ведущим центром подготовки белорусских высококвалифицированных специалистов, получивших не только качественное европейское образование, но и, благодаря национально-культурной работе белорусской диаспоры в ЧСР, сохранивших и укрепивших свое национальное самосознание.

Чехословацкие вузы окончил ряд белорусских политических, общественных и культурных деятелей. Среди них отметим литераторов В. Вальтера, Ф. Гришкевича, М. Голубь-Бучинскую, В. Жилко¹; ученых-гуманитариев Н. Ильяшевича, Л. Красковскую, И. Сланевского; педагогов В. Лавского, А. Орсу; представителей леворадикального течения белорусского национального движения Западной Беларуси: Я. Бобровича, Н. Веремея, И. Дворчанина², Г. Муху-Мухновского; активистов западнобелорусских национально-демократических партий и культурно-просветительских организаций С. Бусла, М. Гузовского, Е. Дылиса, А. Климовича, П. Орсу, Я. Станкевича³, Н. Чернецкого; деятелей белорусского зарубежья: Н. Абрамчика, Т. Гриба, В. Жук-Гришкевича, Л. Рыдлевского, В. Русака.

Отдельно отметим, что после возвращения из ЧСР домой часть бывших учеников западнобелорусских гимназий пополнила педагогический состав своих alma mater. Так, в Виленской белорусской гимназии в разное время преподавали И. Дворчанин, В. Жук-Гришкевич, Н. Ильяшевич, Ф. Гришкевич; в Новогрудской белорусской гимназии — В. Лавский, А. Орс, Н. Сазанович-Орс, И. Сланевский; в Клецкой белорусской гимназии — Н. Чернецкий. После возвращения в Латвию В. Вальтер преподавал в белорусских начальных школах этой страны.

Ряд «пражан» после прибытия в БССР заняли там руководящие посты. Так, Н. Веремея стал организатором и директором Энергетического института

1 Не окончил философский факультет Карлова университета. В 1926 г. поехал в Минск на Академическую конференцию по реформе белорусского правописания, после которой решил остаться в БССР.

2 Избирался послом польского сейма.

3 Избирался послом польского сейма.

в Минске. М. Ковцевич некоторое время был ученым секретарем Физико-технического института Академии наук БССР. Ил. Дворчанин работал в должности заместителя директора Березинского заповедника. Я. Бобрович возглавил Комиссию по изучению Западной Беларуси при Академии наук БССР.

Таким образом, многие из белорусов – выпускников университетов межвоенной ЧСР – проявили себя в общественной, хозяйственной и культурной жизни белорусского народа.

Заявления автора

Согласие с политиками и положениями сетевого издания

Авторы данной рукописи уведомлен и согласен с действующими политиками и положениями сетевого издания, изложенными на веб-сайте.

Оригинальность и эксклюзивность рукописи

Автор подтверждает, что рукопись является оригинальной, ранее не публиковалась ни полностью, ни частично и не находится на рассмотрении для публикации в других изданиях.

Авторство и вклад (CRediT)

Проведение исследования, концептуализация и написание статьи – Буча А.И.

Политика в отношении препринтов и предыдущих версий

Автор подтверждает, что нет препринта/рабочей версии.

Конфликт интересов

Конфликтов нет.

Финансирование

Данная работа не профинансирована ни одним спонсором.

Использование генеративного ИИ и вспомогательных инструментов

Инструменты искусственного интеллекта не применялись при написании статьи.

Разрешения на использование (тексты, изображения, карты, иллюстрации)

Все материалы, защищенные авторским правом, воспроизводятся с разрешения правообладателя; соблюдаются условия лицензии (включая Creative Commons).

Благодарности и вклады без авторства

Отсутствуют.

Список литературы

- Archiv ministerstva zahraničních věcí České Republiky (AMZV ČR). (n.d.-a). 2. Sekce politická 1918–1939. K. 167.
- Archiv ministerstva zahraničních věcí České Republiky (AMZV ČR). (n.d.-b). 2. Sekce politická 1918–1939. K. 187.
- Archiv ministerstva zahraničních věcí České Republiky (AMZV ČR). (n.d.-c). 2. Sekce politická 1918–1939. K. 241.
- Archiv ministerstva zahraničních věcí České Republiky (AMZV ČR). (n.d.-d). 2. Sekce politická 1918–1939. K. 390.
- Černý, A. (1925). Dohoda polsko-československá [Polish–Czechoslovak Agreement]. *Slovansky Přehled*, 2, 92–97. (In Czech).
- Kolenovská, D. (2018). Bělorusové na okraji meziválečné emigrace v Československu [Belarusians on the Margins of Interwar Emigration in Czechoslovakia]. In L. Babka (Ed.), *Příběhy exilu: Osudy exulantů z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu* [Stories of Exile: The Fates of Exiles from the Former Russian Empire in Interwar Czechoslovakia] (pp. 52–81). Památník národního písemnictví. (In Czech).
- Kolenovská, D., & Plavec, M. (2017). *Běloruská emigrace v meziválečném Československu: Studie a dokumenty* [Belarusian Emigration in Interwar Czechoslovakia: Studies and Documents]. Charles University in Prague, Karolinum Press. (In Czech).
- Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas (LCVA). (n.d.). F. 366. *Baltarusių student organizacijų susivienijimas Prahoje*. Ap. 1. B. 19.
- Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas (LCVA). (1926). F. 368. *Baltarusių laikraščių redakciūų dokumentų kolekcija*. Ap. 1. B. 35.
- Młodzież białoruska [Belarusian Youth]. (1927). *Przełęcz Wileński*, 7, 10. (In Polish).
- Národní archiv České Republiky (NA ČR). (n.d.-a). F. 908. *Ministerstvo zahraničních věcí – Ruská pomocná akce*. K. 52.
- Národní archiv České Republiky (NA ČR). (n.d.-b). F. 908. *Ministerstvo zahraničních věcí – Ruská pomocná akce*. K. 282.
- Národní archiv České Republiky (NA ČR). (n.d.-c). F. 908. *Ministerstvo zahraničních věcí – Ruská pomocná akce*. K. 306.
- Národní archiv České Republiky (NA ČR). (n.d.-d). F. *Komitéť pro umožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Kartotéky Česko-ukrajinského komitétu pro podporování ukrajinských a běloruských studujících v ČSR*.
- Srebrakowski, A. (2003). Informacja o studentach białorusinach studiujących na uniwersytecie Stefana Batorego w Wilnie [Information about Belarusian students studying at Stefan Batory University in Vilnius]. In K. I. Козак (Ed.), *Беларуска-польскія архіваліі: Стан і перспектывы* (pp. 109–114). НАРБ. (In Polish).
- Ананька, К., & Горны, А. (2022). Вучні беларускіх гімназій у міжваеннай Заходняй Беларусі: Прасапаграфічны аналіз [Ученики белорусских гимназий в межвоенной Западной Беларуси: Просопографический анализ]. *Гісторыя і грамадазнаўства*, 4, 41–47. (На беларусском).
- Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі [Архивы Белорусской Народной Республики]: Т. 1. Кн. 2. (1998). *Baltos lankos*. (На беларусском).

- Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИИ). (1923, 1924). Ф. 3. Материалы с Белорусского музея имени И. Луцкевича в Вильно. Оп. 1. Д. 177.
- Блашчак, Т. (2022). *Беларусы ў Літоўскай Рэспубліцы (1918–1940)* [Белорусы в Литовской Республике (1918–1940)]. Инбелкульт. (На белорусском).
- Буча, А. (2019). *Беларускія студэнты ў вышэйшых школах міжваеннай Чэхаславакіі* [Белорусские студенты в высших учебных заведениях межвоенной Чехословакии]. В П. Лозовюк (Ред.), *Историко-культурные аспекты чешско-белорусских связей* (с. 93–104). Издательский центр БГУ. (На белорусском).
- Буча, А. (2020). *Дакументы і матэрыялы па гісторыі беларускай эміграцыі ў Чэхаславацкай Рэспубліцы (1918–1939)* [Документы и материалы по истории белорусской эмиграции в Чехословацкой Республике (1918–1939)]. Кнігазбор. (На белорусском).
- Вабішчэвіч, А. (2008). *Нацыянальна-культурная жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.)* [Национально-культурная жизнь Западной Беларуси (1921–1939)]. БрДУ. (На белорусском).
- Георгиевский, П. (1924). Перепись 5 декабря 1923 русских студентов-учащихся в Чехословацкой Республике. *Студенческие годы*, 4, 32–36.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). (1925–1932). Ф. Р-5875. И.А. Ермаченко. Оп. 1. Д. 19.
- Грыбоўскі, Ю. (2023). *Беларускі моладзевы й студэнцкі рух у міжваеннай Латвіі* [Белорусское молодежное и студенческое движение в межвоенной Латвии]. *Запісы БІНіМ*, 43, 116–145. (На белорусском).
- Жук-Грышкевіч, Р. (1993). *Жыццё Вінцэнта Жук-Грышкевіча* [Жизнь Винцента Жука-Гришкевича]. Фонд Успамінаў зь Беларускага Жытцця. (На белорусском).
- История белорусской государственности*: Т. 3. *Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939 гг.)*. (2019). Беларуская навука.
- Калеснік, У. (1977). *Ветразі Адысея (Уладзімір Жылка і рамантычная традыцыя ў беларускай паэзіі)* [Паруса Одиссея (Владимир Жилка и романтическая традиция в белорусской поэзии)]. Мастацкая літаратура. (На белорусском).
- Калета, П. (2018). Масарик и его взгляд на белорусскую проблему после Первой мировой войны. *Журнал БГУ. История*, 3, 17–22.
- Лёс сёлетніх абітурыентаў Віленскай Беларускай Гімназіі [Судьба абитуриентов Виленской белорусской гимназии в этом году]. (1925). *Студэнская думка*, 5, 32. (На белорусском).
- Ляхоўскі, У. (2012). *Ад гоманаўцаў да гайсакоў. Чыннасць беларускіх маладзёвых арганізацый у 2-й палове XIX ст. – 1939 г.* [От гомоновцев до гайсаков. Деятельность белорусских молодежных организаций во второй половине XIX века – 1939 г.]. Беларускае гістарычнае таварыства, Інстытут беларусістыкі. (На белорусском).
- Мостыка, А. (2018). Студенты-белорусы Университета Стефана Батория в Вильно в свете статистических и персональных данных: Состав, социальное происхождение, национальная иждивенность. *Беларускі гістарычны зборнік*, 50, 121–143.
- Муха-Мухновский, Г. (1973). *Пути-дороги. Беларусь*.
- Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). (1922–1923). Ф. 325. Рада Народных Міністрав БНР. Оп. 1. Д. 131.
- Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). (1922–1923). Ф. 325. Рада Народных Міністрав БНР. Оп. 1. Д. 200.

- Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). (1922-1923). Ф. 325. Рада Народных Министров БНР. Оп. 1. Д. 200.
- Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). (1922d). Ф. 883. Товарищество белорусской школы. Оп. 1. Д. 18.
- Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). (1922e). Ф. 883. Товарищество белорусской школы. Оп. 1. Д. 21.
- Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). (1922f). Ф. 883. Товарищество белорусской школы. Оп. 1. Д. 22.
- Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). (1923a, 1924). Ф. 459. Личный фонд В.М. Русака. Оп. 1. Д. 48.
- Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). (1923b). Ф. 459. Личный фонд В.М. Русака. Оп. 1. Д. 55.
- Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). (1925). Ф. 325. Рада Народных Министров БНР. Оп. 1. Д. 227.
- Серапионова, Е. П. (2006). Правовое положение русских беженцев в Чехословакии. В З. С. Бочарова (Ред.), *Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы* (с. 140–152). Сударыня.
- Хроніка [Хроника]. (1924). *Перавясла*, 2, 61–64. (На белорусском).
- Чэмэр, А. (1997). *Наваградзкая беларуская гімназія [Новогрудская белорусская гимназия]*. Saverenas. (На белорусском).
- Шрамченко, Л. (1926). *Українське, білоруське та грузинське студентство на високих школах в Чехословацькій республіці [Украинское, белорусское и грузинское студенчество в высших учебных заведениях Чехословацкой республики]*. Українська Господарська Академія. (На украинском).
- Шыманка, М. (1997). Незабыўнае [Незабываемое]. *Літаратура і мастацтва*, 27/3903, 13–15. (На белорусском).
- Ямкова, В. (2002). Беларускае студэнцтва ва ўкраінскіх вышэйшых школах у Чэха-Славацчыне ў 1920 – 1930-я гг. [Белорусские студенты в украинских высших учебных заведениях Чехословакии в 1920–1930-е гг.]. *Спадчына*, 5–6, 109–121. (На белорусском).

References

- Ananka, K., & Gorni, A. (2022). Students of Belarusian Gymnasiums in Interwar Western Belarus: A Prosopographical Analysis. *History and Social Studies*, 4, 41–47. (In Belarusian).
- Archiv ministerstva zahraničních věcí České Republiky (AMZV ČR). (n.d.-a). 2. *Sekce politická 1918–1939*. K. 167.
- Archiv ministerstva zahraničních věcí České Republiky (AMZV ČR). (n.d.-b). 2. *Sekce politická 1918–1939*. K. 187.
- Archiv ministerstva zahraničních věcí České Republiky (AMZV ČR). (n.d.-c). 2. *Sekce politická 1918–1939*. K. 241.
- Archiv ministerstva zahraničních věcí České Republiky (AMZV ČR). (n.d.-d). 2. *Sekce politická 1918–1939*. K. 390.

- Archives of the Belarusian People's Republic: Vol. 1. Book 2. (1998). Baltos lankos. (In Belarusian).
- Belarusian State Archive-Museum of Literature and Art (BSAMLA). (1923-1924). F. 3. *Materials from the Belarusian Museum named after I. Lutskievich in Vilnius*. In. 1. C. 177.
- Blaszczak, T. (2022). *Belarusians in the Lithuanian Republic (1918-1940)*. Inbelkult. (In Belarusian).
- Bucha, A. (2019). Belarusian students in the higher schools of interwar Czechoslovakia. In P. Lozovyuk (Ed.), *Historical and cultural aspects of Czech-Belarusian relations* (pp. 93-104). BSU Publishing Center. (In Belarusian).
- Bucha, A. (2020). *Documents and Materials on the History of the Belarusian Emigration in the Czechoslovak Republic (1918-1939)*. Knigazbor. (In Belarusian).
- Černý, A. (1925). Dohoda polsko-československá [Polish-Czechoslovak Agreement]. *Slovansky Přehled*, 2, 92-97. (In Czech).
- Chemera, A. (1997). *Navahradskaya Belarusian Gymnasium*. Saverenas. (In Belarusian).
- Chronicle. (1924). *Peravyasla*, 2, 61-64. (In Belarusian).
- Georgievsky, P. (1924). Census of Russian students studying in the Czechoslovak Republic on December 5, 1923. *Student Years*, 4, 32-36. (In Russian).
- Gribovskiy, Y. (2023). The Belarusian Youth and Student Movement in Interwar Latvia. *BINIM Records*, 43, 116-145. (In Belarusian).
- History of Belarusian Statehood: Vol. 3. Belarusian Statehood: From Idea to Nation State (1917-1939)*. (2019). Belarusian Science. (In Russian).
- Kalesnik, U. (1977). *The Sails of Odysseus (Vladimir Zhyłka and the Romantic Tradition in Belarusian Poetry)*. Mastatskaya litaratura. (In Belarusian).
- Kaleta, P. (2018). T. G. Masaryk and His Views on the Belarusian Issue after World War I. *Journal of the Belarusian State University. History*, 3, 17-22. (In Russian).
- Kolenovská, D. (2018). Bělorusové na okraji meziválečné emigrace v Československu [Belarusians on the Margins of Interwar Emigration in Czechoslovakia]. In L. Babka (Ed.), *Příběhy exilu: Osudy exulantů z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu* [Stories of Exile: The Fates of Exiles from the Former Russian Empire in Interwar Czechoslovakia] (pp. 52-81). Památník národního písemnictví. (In Czech).
- Kolenovská, D., & Plavec, M. (2017). *Běloruská emigrace v meziválečném Československu: Studie a dokumenty* [Belarusian Emigration in Interwar Czechoslovakia: Studies and Documents]. Charles University in Prague, Karolinum Press. (In Czech).
- Lakhovsky, U. (2012). *From Homanovtsy to Gaisaks: The Activities of Belarusian Youth Organizations in the Second Half of the 19th Century - 1939*. Belarusian Historical Society, Institute of Belarusian Studies. (In Belarusian).
- Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas (LCVA). (1926). F. 368. *Baltarusių laikraščių redakciūų dokumentų kolekcija*. Ap. 1. B. 35.
- Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas (LCVA). (n.d.). F. 366. *Baltarusių student organizacijų susivienijimas Prahoje*. Ap. 1. B. 19.
- Młodzież białoruska [Belarusian Youth]. (1927). *Przełład Wileński*, 7, 10. (In Polish).
- Mostyka, A. (2018). Belarusian Students at Stefan Batory University in Vilnius in Light of Statistical and Personal Data: Composition, Social Background, National Identity. *Belarusian Historical Collection*, 50, 121-143. (In Russian).

- Mukha–Mukhnovsky, G. (1973). *Roads and Highways*. Belarus. (In Russian).
- Národní archiv České Republiky (NA ČR). (n.d.-a). F. 908. *Ministerstvo zahraničních věcí – Ruská pomocná akce*. K. 52.
- Národní archiv České Republiky (NA ČR). (n.d.-b). F. 908. *Ministerstvo zahraničních věcí – Ruská pomocná akce*. K. 282.
- Národní archiv České Republiky (NA ČR). (n.d.-c). F. 908. *Ministerstvo zahraničních věcí – Ruská pomocná akce*. K. 306.
- Národní archiv České Republiky (NA ČR). (n.d.-d). F. *Komitéť pro umožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Kartotéky Česko-ukrajinského komitétu pro podporování ukrajinských a běloruských studujících v ČSR*.
- National Archives of the Republic of Belarus (NARB). (1922-1923). F. 325. *Council of People's Ministers of the People's Republic of Bulgaria*. In. 1. C. 131. (In Russian).
- National Archives of the Republic of Belarus (NARB). (1922-1923). F. 325. *Council of People's Ministers of the People's Republic of Bulgaria*. In. 1. C. 200. (In Russian).
- National Archives of the Republic of Belarus (NARB). (1922-1923). F. 325. *Council of People's Ministers of the People's Republic of Bulgaria*. In. 1. C. 200. (In Russian).
- National Archives of the Republic of Belarus (NARB). (1922d). F. 883. *Belarusian School Association*. In. 1. C. 18. (In Russian).
- National Archives of the Republic of Belarus (NARB). (1922e). F. 883. *Belarusian School Association*. In. 1. C. 21. (In Russian).
- National Archives of the Republic of Belarus (NARB). (1922f). F. 883. *Belarusian School Association*. In. 1. C. 22. (In Russian).
- National Archives of the Republic of Belarus (NARB). (1923a, 1924). F. 459. *Personal fund of V.M. Rusak*. In. 1. C. 48. (In Russian).
- National Archives of the Republic of Belarus (NARB). (1923b). F. 459. *Personal fund of V.M. Rusak*. In. 1. C. 55. (In Russian).
- National Archives of the Republic of Belarus (NARB). (1925). F. 325. *Council of People's Ministers of the People's Republic of Bulgaria*. In. 1. C. 227. (In Russian).
- Serapionova, E. P. (2006). The legal status of Russian refugees in Czechoslovakia. In Z. S. Bocharova (Ed.), *The Legal Status of Russian Emigration in the 1920s and 1930s* (pp. 140–152). Sudarinya. (In Russian).
- Shramchenko, L. (1926). *Ukrainian, Belarusian, and Georgian students at higher education institutions in the Czechoslovak Republic*. Ukrainian Academy of Economics. (In Ukrainian).
- Shymanka, M. (1997). Unforgettable. *Literature and Art*, 27/3903, 13-15. (In Belarusian).
- Srebrakowski, A. (2003). Informacja o studentach białorusinach studiujących na uniwersytecie Stefana Batorego w Wilnie [Information about Belarusian students studying at Stefan Batory University in Vilnius]. In K. I. Kozak (Ed.), *Belarusian-Polish Archival Relations: State and Prospects* (pp. 109–114). NARB. (In Polish).
- State Archives of the Russian Federation (SARF). (1925, 1932). F. R-5875. I.A. *Ermakenko*. In. 1. C. 19. (In Russian).
- The Fate of this Year's Applicants to the Vilnius Belarusian Gymnasium. (1925). *Student Opinion*, 5, 32. (In Belarusian).

Vabishchevich, A. (2008). *National and Cultural Life of Western Belarus (1921–1939)*. BrDU. (In Belarusian).

Yamkova, V. (2002). Belarusian Students in Ukrainian Higher Education Institutions in Czechoslovakia in the 1920s–1930s. *Spadchina*, 5–6, 109–121. (In Belarusian).

Zhuk-Grishkevich, R. (1993). *The Life of Vincent Zhuk-Grishkevich*. Memories from Belarusian Life Foundation. (In Belarusian).